

Завтра начинался столичный экзамен. За месяц, проведенный в поместье Нин, Нин Цзюэ выходил за пределы усадьбы всего дважды. Нин Ляо и вправду сдержал слово: до объявления результатов экзамена все в поместье относились к нему лишь как к гостю, временно проживающему в доме. Его кормили, поили, но не более того.

Слуги поместья вежливо величали его молодым господином, но, кроме А Ци, никто не задерживался в его дворе дольше получаса. Даже управляющий Ли, если и заглядывал, то всякий раз второпях.

Что уж говорить о хозяевах дома: Нин Цзюэ до сих пор не знал, как выглядят госпожа Нин и барышня Нин. Нин Вэньчжэн после той недавней перепалки больше не пытался заговорить с ним, а Нин Ляо, мельком увидевшись с ним в первый же день, последующий месяц делал вид, будто его вовсе не существует.

— Молодой господин, можно ли взять этот плащ в экзаменационный двор? — А Ци, собирая вещи, держал в руках белый меховой плащ Нин Цзюэ.

Нин Цзюэ укладывал письменные принадлежности в деревянный ящик. Чтобы исключить возможность жульничества, список вещей, разрешенных на экзамене, был строго ограничен. Помимо кистей, туши и теплой одежды, бумагу и еду выдавали на месте. Конечно, поскольку экзамен длился три дня, студентам разрешалось приносить кое-что из провизии, но только если они не боялись, что их съестные припасы будут превращены в кашу при досмотре.

— Бери. Погода все еще холодная, будет обидно простудиться, — ответил Нин Цзюэ.

А Ци тут же аккуратно сложил плащ, добавил пару плотных вещей, уложил всё в ящик и завязал узел.

— Хотите взять какую-нибудь еду, господин? — спросил слуга.

Ходили слухи, что кормят в экзаменационном дворе неважно, поэтому многие выходцы из знатных семей прихватывали с собой цукаты или пирожные для подкрепления сил.

— Не нужно, — Нин Цзюэ покачал головой. Всего три дня. Какая бы невкусная ни была еда, если она чистая и не отравлена, он сможет ее проглотить.

Услышав это, А Ци больше ничего не сказал. Он закончил с вещами и прибрался на рабочем столе.

В дверь постучали. Хозяин и слуга переглянулись: на пороге стоял управляющий Ли в сопровождении двух помощников.

— Молодой господин, вещи собраны? — Управляющий Ли бросил взгляд на маленький

деревянный ящик, стоявший на столе.

— Да.

Управляющий Ли подал знак, и двое слуг, державших подносы, шагнули вперед:

— Завтра начинается экзамен, а в экзаменационном дворе условия суровые. Господин велел нам передать вам ватные сапоги, наколенники и муфту для рук. Желаем вам блестящего начала и успеха на экзаменах.

На подносах лежали сапоги на черной подошве с вышитыми облаками и подкладкой из меха, пара коричневых наколенников и серая меховая муфта. На вид вещи были весьма дорогими.

Нин Цзюэ мельком взглянул на них и спокойно произнес:

— Оставьте здесь.

Управляющий Ли кивнул, и слуги выложили предметы на стол. Однако, оставив вещи, они не спешили уходить. Нин Цзюэ посмотрел на застывшего управляющего:

— Есть что-то еще?

Управляющий Ли замялся:

— Завтра экзамен, молодой господин... Неужели у вас нет слов, которые я мог бы передать господину?

Он ожидал, что Нин Цзюэ будет о многом просить, например, о цели своего визита.

— Нет, — к его удивлению, Нин Цзюэ ответил без малейшего колебания. — Господин Нин в первый же день ясно дал всё понять. Я не из тех, кто навязывается. Если я провалю экзамен, мне не нужно будет дожидаться слов господина Нина — я уйду сам и не стану позориться, цепляясь за ваше поместье.

— Вы слишком строги к себе, молодой господин, — нахмурился управляющий Ли. — Господин вовсе не жестокосерден. Если бы вы поговорили с ним по-человечески, остаться в Цзинду не составило бы труда.

— Ха. — Нин Цзюэ усмехнулся — эти слова он слышал уже слишком часто. — Это его воля или вы сами решили так сказать?

Управляющий Ли замолчал. Учítывая, что Нин Ляо семнадцать лет не желал даже видеть этого человека, как он мог сказать нечто подобное?

— Раз это не воля хозяина, управляющему Ли лучше поменьше говорить лишнего. — Зная, что злого умысла у того нет, Нин Цзюэ смягчил тон. — Ступайте, доложите господину Нину, что вещи я принял. Благодарю его за доброту, я не разочарую его «искренность».

Управляющий Ли покинул двор, погруженный в глубокие раздумья.

На следующее утро, еще до рассвета, А Ци разбудил Нин Цзюэ:

— Господин, господин, вставайте скорее! Уже вторая четверть часа кролика, пора выходить.

Нин Цзюэ, протирая заспанные глаза, поднялся, оделся в заранее приготовленную одежду, и А Ци потащил его к умывальнику. Прохладная вода помогла окончательно проснуться.

— Пока есть время, господин, поешьте немного, — А Ци усадил его за стол, где уже дымились два горячих паровых пирожка и миска рисовой каши с мясом.

Нин Цзюэ доел кашу и половину пирожка. Когда он отложил палочки, А Ци не выдержал:

— Господин, съешьте еще хоть немного, время еще есть.

— Слишком рано, не лезет, — Нин Цзюэ встал, ополоснул руки и рот, взглянул на ящик в руках А Ци и спросил: — Проверил?

— Проверил, всё, что готовили вчера, на месте.

Нин Цзюэ кивнул:

— Пошли.

Когда они открыли дверь, снаружи было пусто. А Ци шел впереди, указывая путь. Они не пошли через парадный вход, выбрав по привычке ту самую тропинку в задней части сада. В тусклом утреннем свете они двигались бесшумно, никем не замеченные.

У задних ворот А Ци с ящиком в руках остановился. Нин Цзюэ вытянул засов и толкнул деревянную калитку, но, к его удивлению, снаружи стояла карета.

Управляющий Ли, стоявший рядом, увидев Нин Цзюэ, с улыбкой сложил ладони в приветственном жесте:

— Молодой господин.

— Управляющий Ли, вы так рано встали?

Управляющий Ли слегка склонил голову:

— До экзаменационного двора путь неблизкий, я подготовил для вас экипаж.

Экзаменационный двор находился на улице Чанъань, и от переулка Мэйхуа быстрым шагом идти не меньше получаса. Досмотр начинался в конце часа кролика, и если бы он пошел пешком, ему пришлось бы поторопиться, чтобы успеть. С каретой же спешка была не нужна.

— Благодарю, управляющий Ли.

Подумав об этом, Нин Цзюэ не стал ломаться. Поблагодарив, он скомандовал А Ци:

— А Ци, садись.

— Слушаюсь, господин. — А Ци первым забрался в карету с ящиком.

Кучер был опытным мастером. Как только Нин Цзюэ уселся, он хлестнул лошадей, и карета выехала из переулка.

В этом году на экзамен съехались несколько сотен человек: не только местные студенты из Цзинду, но и ученые из разных областей и городов. Возраст участников варьировался от пятнадцати до пятидесяти лет — были и те, кто пришел впервые, и те, кто пытался сдать экзамен из года в год.

Когда Нин Цзюэ прибыл к воротам, многие уже вошли внутрь, а снаружи тянулась длинная очередь. Он был не первым и не последним — позади еще прибывали люди.

Кучер уехал, как только доставил его к месту, и А Ци, обнимая ящик, встал в очередь вместе с ним.

Чиновники у ворот тщательно осматривали каждого студента — от кисточек и чернильниц до запасной одежды. Всё раскладывали и проверяли по очереди семь или восемь человек.

Когда подошла очередь Нин Цзюэ, А Ци подал ящик. Двое худощавых чиновников открыли его и начали вынимать вещи одну за другой.

Вещей у него было немного: плащ, запасной комплект одежды, две привычные кисти, слиток туши, маленькая чернильница размером с ладонь и свиток обычной бумаги. По сравнению с другими, которые даже собственные чашки принесли, он выглядел практически с пустыми руками.

Тем не менее, чиновники досматривали его очень придирчиво, чуть ли не по швам проверяя одежду на наличие шпаргалок.

Через четверть часа проверка закончилась, вещи вернули на место, и после регистрации Нин Цзюэ проводили внутрь.

А Ци не мог последовать за ним. Переступив этот порог, следующие несколько дней ему предстояло провести в одиночестве. Ну, не совсем в одиночестве — вокруг было еще несколько сотен таких же собратьев по несчастью. Хоть разговаривать было нельзя, но, по крайней мере, они жили в одном месте, так что скучно не было.

Внутри двора Нин Цзюэ в группе других студентов привели в большой зал. Их вещи несли чиновники. Сами предметы уже были досмотрены, но оставалась проверка одежды на телах.

Студентов разделили на группы по десять человек. По очереди они входили в комнату досмотра, где их просили раздеться донага, чтобы чиновники могли убедиться в отсутствии запрещенных записей. Только после этого им разрешалось пройти в экзаменационный зал.

Во время досмотра нельзя было разговаривать или переглядываться. Каждый стоял на расстоянии полуметра друг от друга, а экзаменаторы в красных мундирах внимательно следили за каждым движением. Любое нарушение правил каралось немедленным изгнанием из двора и лишением права на участие в экзамене.

Экзаменационные кабинки были отдельными — узкие, шириной всего в полметра, но длиной в две чжан. Передняя часть служила местом для письма, где стоял стол, а задняя — для отдыха, с кроватью и стулом.

В течение этих трех дней, кроме как для посещения уборной, покидать кабинку было запрещено. Охрана стояла через каждые пять шагов и сменялась день и ночь.

Во время экзамена экзаменаторы постоянно патрулировали ряды. Студенты оставляли готовые работы на столе, и по истечении времени их собирали.

Экзамен состоял из трех этапов, по три дня на каждый: классические каноны, суждения и политические вопросы. Для Нин Цзюэ это не было сложно. У него всегда был свой уникальный и глубокий взгляд на тексты. Его наставник когда-то говорил, что в сотне истин, изложенных в книгах, Нин Цзюэ находит тысячу своих собственных, и каждая из них выстроена в стройную систему.

Три дня и две ночи в условиях, похожих на тюремные, для других были пыткой, но для Нин Цзюэ всё шло как обычно. Когда он вышел за ворота, его ждал А Ци с каретой.

Нин Цзюэ заметил, что Нин Вэньчжэн тоже участвовал в экзамене, но в другом секторе. Видимо, эти дни дались ему нелегко: его поддерживал слуга, лицо было бледным, глаза покраснели от усталости. Но, увидев Нин Цзюэ, он заставил себя выпрямиться и, словно гордый павлин, проходя мимо, холодно фыркнул.

— Старший молодой господин он... — А Ци хотел что-то сказать, но Нин Цзюэ лишь взглянул на него:

— Неважно.

Обычный шут, не стоящий внимания.

Вернувшись в гостевой дом поместья Нин, Нин Цзюэ наскоро перекусил и лег спать. Ему нужно было хорошенько отдохнуть и набраться сил для следующих двух этапов.

На следующий день, как и прежде, в первую четверть часа кролика А Ци разбудил его. Они поехали в карете к экзаменационному двору, прошли досмотр, и Нин Цзюэ отправили в зал. Секторы менялись: если в первый раз он был в третьем, то сегодня его перевели в первый.

...

Прошло девять дней, экзамен завершился. Студенты, полные надежд и тревоги, вернулись к местам своего проживания. Все работы были переданы чиновникам Министерства ритуалов на проверку, а лучшие из них должны были быть представлены перед императорским тронном. В прошлые годы результаты вывешивали не раньше чем через полмесяца.

Нин Цзюэ только вернулся в поместье и не успел даже переодеться, как пришел управляющий Ли и передал, что его хочет видеть Нин Ляо.

В кабинете двора Сунцзянь Нин Ляо, одетый в повседневное платье, склонился над бумагами, составляя доклад.

— Господин, молодой господин прибыл.

Они вошли в кабинет. Управляющий Ли доложил о прибытии, но Нин Ляо даже не поднял головы, лишь сухо ответил: «Угу».

Им предстояло поговорить, поэтому управляющий Ли, согнувшись, молча отступил и, уходя, не забыл прикрыть за собой дверь.

<http://bllate.org/book/21783/2252435>